

Тема Петербурга в лирике Блока. Цикл «Распутья» (1902–1904)

В. Назаров

Тема Петербурга в творчестве Блока — одна из важнейших. Она неотделима от его главных тем. Представления поэта о мире и человеке, об истории и современности выражены в стихах Блока о городе с не меньшей глубиной, ясностью и убедительностью, нежели в таких шедеврах его гражданской и патриотической лирики, как «На поле Куликовом» или «Ямбы».

Россия, стоявшая на пороге величайшего события века — революции — переживала в то время трагедию, и блоковский Петербург был овеян историческим духом неумолимо приближающейся катастрофы. Все еще внешне блестящая столица расшатанной империи Российской предстает в творчестве Блока «страшным миром» зла, угнетения, лжи со всеми резкими контрастами, противоречиями и конфликтами своего социального бытия. Это город, «где богатый зол и рад» и «унижен бедный». Но в то же время это и город «новых людей», уже поднимающихся «из тьмы погребов» на штурм «страшного мира».

Это смежение двух противоборствующих начал — самая характеристическая черта реального, исторического Петербурга начала XX века.

Не случайно в поэзии Блока запечатлены основные события революционной истории нового и новейшего времени, связанные с Петербургом: подвиг народовольцев, стачки и баррикады 1905 года, Великий Октябрь.

Блок прекрасно знал свой Город. В длинных пеших прогулках, по большей части одиноких, исходил он его вдоль и поперек в разное время года, в разные часы дня и ночи. Любил подолгу бродить без цели — куда глаза глядят, и любовь эту пронес через всю жизнь:

Иду — и всё мимолетно.
Вечереет — и газ зажгли.
Музыка ведет бесповоротно,
Куда глядят глаза мои...

(«Иду — и все мимолетно...», март 1905)

Из самого простого, будничного, привычного глазу умел поэт извлечь особое, неожиданное очарование: реальное часто преображалось под пером Блока в сказочное, оставаясь по сути своей обыденным, узнаваемым.

Мы живем в старинной келье
У разлива вод.

Часто повседневная картина города органически вплетается в размышления поэта о «чудесном» и «несказанном» чувстве, ощущении:

Под утро проснулся от шума
И треска несущихся льдин.

Я думал о сбывшемся чуде...
А там, нагочив топоры,
Веселье, красные люди,
Смеясь, разводили костры:

Смолили тяжелые чёлны...

Так за всем, что писал Блок, можно обнаружить действительно сущее, увиденное, проверенное, пережитое.

Так или иначе, Петербург Блока — это не только державное течение Невы, Медный всадник и Адмиралтейская игла, но и гораздо чаще «пыль переулочная», «колодцы дворов», «окна фабрик», «скука загородных дач».

Н. Оскольский

В стихах о Петербурге Блок запечатлевал свои прогулки по городу. На первый взгляд, эти прогулки были бесцельными шатаниями «гуляки праздного». На самом деле — повод к внимательному наблюдению природы и пестрого городского быта, проверенный опыт постижения мимо бегущей жизни. Вот несколько разрозненных записей Блока:

«Гулял — Гаванское поле, вдали — на фоне не то залива, не то тумана — петербургская pineta. Несказанное...»

«Ужасна полная луна — под ней мир становится голым, уродливым трупом...»

Свою роль в блоковском ощущении города играла переменчивая петербургская погода, мгновенно меняющая освещение пейзажа и душевное настроение человека. Самый воздух Петербурга служил для поэта материей, из которой сотканы его стихи, поэмы, драмы. В них есть своя, особая точность. Пусть нет ни названий улиц, переулков, ресторанов, вокзалов и площадей. Но есть общее ощущение Петербурга лирическим героем: его подвижной, меняющейся гаммы красок, звуков, запахов, света и тени, капризов непостоянной погоды. В свое время Иннокентий Анненский, знавший в таких вещах толк, назвал все это «сменами петербургских освещений и шумов».

Это — сложная мелодия целого и деталей: «синяя города мгла», «тусклых улиц очерк сонный», переулки, в которых «пахнет морем», «безлюдность низких островов», треск ледохода, фабричные гудки, циклопические подъемные краны в порту, городовые и бродяги у ночных костров, «май жестокий с белыми ночами», «ледяная рябь канала»...

Все в поэзии Блока — петербургское. Дни и ночи, туманы и закаты, дожди и вьюги, женщины, лихачи, мосты, фонари, аптеки... И революция, дыханием которой эта поэзия овевана, тоже петербургская...

В. Зоргенфрей вспоминал:

«Запомнился мне тихий летний вечер, длинная аллея Петровского острова, бесшумно пронесшийся мотор. “Вот из такого, промелькнувшего когда-то мотора вышли “Шаги Командора”, — сказал Александр Александрович.

Для художника, наделенного острым чувством памяти, город — не мертвое скопище палат, храмов и монументов, но нечто одушевленное, воздействующее и прошлым, и дыханием настоящего, и предощущением будущего. Постичь душу Города поэт может лишь в том случае, если чувствует и воспринимает его в движении времени, в поворотах истории».

И. Поздняков

Многие стихи Блока — о Петербурге. «Город говорит» — для Блока было естественным сопроводить таким замечанием одно из своих стихотворений. «Город ужасно действует», — записывает он в другой раз. И сверяет с этим действием свое собственное душевное состояние:

«Петербург — самый страшный, зовущий и молодящий кровь из европейских городов».

Страшный, зовущий, вызывающий вместе и глухую ненависть и преданную любовь — вот истинное лицо блоковского Петербурга.

Вот он записывает:

«Заря была огромная, ясная, желтая, страшная...»

Не из этого ли беглого наблюдения родился богатый исторический подтекст «Унижения»?

В черных сучьях деревьев обнаженных
Желтый зимний закат за окном.
(К эшафоту на казнь осужденных
Поведут на закате таком).

Читатель понимает, что казнь происходит не где-нибудь, а в Петербурге, что только в этом городе можно увидеть мертвенно-бледное небо и равнодушно-желтую зарю.

А разве не дышат мрачно-трагической поэзией ночного Петербурга такие поистине гипнотические строки:

И стало всё равно, какие
Лобзать уста, ласкать плеча,
В какие улицы глухие
Гнать удалого лихача...

В Городе, одновременно благопристойном и разнузданном, поруганном, пресыщенном и задыхающемся от нищеты и горя, вдали от окружающего творится мистерия. Одинокая человеческая душа, затерянная среди неисчислимых толп развращенных и равнодушных, живет-теплится, согреваемая только горьким молчанием и надеждой:

Душа молчит. В холодном небе
Всё те же звезды ей горят.
Кругом о злате иль о хлебе
Народы шумные кричат...
Она молчит, — и внемлет крикам
И зрит далекие миры,
Но в одиночестве двуликом
Готовит чудные дары,
Дары своим богам готовит
И, умощенная, в тиши,
Неустающим слухом ловит
Далекий зов другой души...

К. Морозов

О городе Блок писал и в цикле «Стихи о Прекрасной Даме». В первом издании заключительный раздел книги назывался «Ущерб». Образ Прекрасной Дамы постепенно меркнет в творчестве Блока, как месяц на ущербе. «Потемнели, поблекли залы» воздвигнутого для нее в стихах дворца; жизнь начинает напоминать гаснущее марево или театральную декорацию, готовую вот-вот взвиться вверх, исчезнуть. Жизнь города лишена Жизни: меняется освещение, кончается ночная сказка, наступают «неверные дневные тени»:

По городу бегал черный человек,
Гасил он фонарики, карабкаясь на лестницу.

Медленный, белый подходил рассвет,
Вместе с человеком карабкался на лестницу.

Там, где были тихие, мягкие тени —
Желтые полосы вечерних фонарей, —

Утренние сумерки легли на ступени,
Забрались в занавески, в щели дверей.

(«По городу бегал черный человек»)

Видя этот «бледный город», чувствуя его скорую гибель, черный человек плачет, но продолжает гасить огни. Этот плач от безысходности и бессилия. Иногда его рыдания переходят в саркастическую насмешку над недавним обманом, маскарадом явлений. Над кем смеется черный человек? Над Городом? Над собой? Терпеливое ожидание Прекрас-

ной Дамы «в мерцанье красных лампад», вера в то, что она откроется, просияв сквозь каменные «ризмы» церковных стен, все чаще разрешается трагической иронией, горьким смехом над обманутой надеждой. «Разноцветные перья», на которых собирается взлететь поэт, превращаются в «пестрые лоскутья» шутовского балагана.

В стихах Блока о Городе часто звучат смех, плач, рыдания, иногда они сменяют друг друга, но чаще звучат страшной, душераздирающей какофонией, сливаясь воедино. Читатель слышит, как хохот арлекина переходит в печальный плач-прощание с Прекрасной Дамой, мечтой поэта:

Спи ты, нежная спутница дней,
Залитых небывалым лучом.

Ты покоишься в белом гробу.
Ты с улыбкой зовешь: не буди.

(«Вот он — ряд гробовых ступеней...»)

Л. Петрова

Стихотворение «Последний день» (1904) открывает раздел блоковской лирики «Город». Блоку было близко и понятно «нестройное» ощущение происходящих в жизни перемен. В стихотворении детально воссоздана убогая житейская картина: серое, «копшащееся» утро, догоревшие свечи, угар минувшей грешной ночи в дешевом доме свиданий, никчемная мебель, неприбранные комнаты, «ужасный комод», «серый постылый налет» на всем — печать какой-то безнадежности... И вдруг происходит что-то непонятное, но страшно тревожное. Раздается «сполошный» колокольный звон, сами собой распахиваются форточки, из подъездов суетливо выбегают люди, а посреди улицы, на грязной мостовой коленопреклоненная женщина-блудница в припадке страстного покаяния поднимает руки ввысь, к распластавшемуся в небе тонкому кресту... (Так, его стихотворение созвучно не только брюсовскому стихотворению «Конь блед», но и роману «Подросток» Ф. М. Достоевского).

Мы читаем:

Бился колокол. Гудели крики, лай и ржанье.
Там, на грязной улице, где люди собрались,
Женщина-блудница — от ложа пьяного желанья —
На коленях, в рубашке, поднимала руки ввысь...

Героиня молится о покаянии или проклинает свою жизнь? Блок не дает ответа, оставляя читателю право найти ответ самостоятельно. Всеми виною странная, ни на что не похожая жизнь в противоречивом Городе — всегда через силу, в постоянном напряжении, в неотпускающей душевной судороге:

Высоко — над домами — в тумане снежной бури,
На месте полуденных туч и полуночных звезд,
Розовым зигзагом в разверстой лазури
Тонкая рука распластала тонкий крест.

За всем странным, фантазмагорическим, что сказано у Блока о Петербурге, всегда приоткрываются картины реального человеческого горя. Но строка «Тонкая рука распластала тонкий крест» все же не дает покоя читателю. Мы задаемся вопросом: и все-таки эта падшая женщина была распята, проклята — или ударом церковного колокола душа ее была разбужена, спасена от грехопадения?! Но в том-то и дело, что ответа на этот вопрос ни у читателя, ни у поэта нет, да и быть, наверное, не может...

И. Быстров

А. Блок продолжает тему города в стихотворении «Повесть». Это стихотворение-вариация на тему «Последнего дня». Тут же в унылую обстановку обыденщины (робкие, покорные люди, «усталые, стертые лица», скучные сплетни, «серые виденья мокрой скуки») внезапно врывается нечто чудовищное, бесчеловечное, вызывающее ужас и проклятья. Простоволосая женщина в грязно-красном платье лежит на окровавленной мостовой. Несчастливая блудница в минуту отчаяния, уронив ребенка, выбросилась из окна. Но «упорно-дерзкий взор» уже мертвых глаз все еще ищет в высоком окне другую женщину, «в узорных кружевах», нарядную и довольную (соперницу? разлучницу?).

Но вверху сомнительно молчали стекла окон.
Плотно-белый занавес пустел в сетях дождя...

Поэт создает раздираемый противоречиями и ненавистью, злорадством и плачем облик города. Так грубая житейская проза и вторгающиеся в нее боль и страдание становятся главным предметом его стихов, которые он сам охарактеризовал как зарисовки, написанные «в формах крика, безумий и часто мучительных диссонансов».

«Как страшно! Как бездомно!» — таков лейтмотив городской поэзии Блока.

О. Сазонова

Каким видится Блоку Петербург?

Вот пейзаж: пустые улицы, глухие закоулки, одинокие подслеповатые фонари, едва различимые в «гробовой тени», фабричная гарь, гнилые канавы, «заборы — как гроба», пыль, слежавшаяся пластами или клубящаяся отравленным облаком, «зловонные дворы», грохочущие телеги, дым, застилающий свет зари... А рядом — «улицы, пьяные от криков», «электрический сон наяву», сверкающие витрины, дорогие кабаки и раззолоченные театральные залы...

Вот персонажи: жалкий бродяга «в измятом картузе над взором оловянным», нищий слепец, хмурый шарманщик, поминутно попадающиеся пьяные и проститутки (совсем как у Достоевского), марширующие солдаты, обездоленные женщины, склонившиеся над скудной работой, дворники, пожарные, зеваки, дети, самоубийцы, рабочий люд, поднимающийся «из тьмы погребов»... А рядом — гордые, самодовольные господа, холеные красавицы в «жемчугах несметной цены», «вещая Сибилла» в «нескромном уборе» или «вольная дева в огненном плаще»...

Вся жизнь города состоит из подобных контрастов.

«Гулкий город, полный дрожи» — вот образ, созданный Блоком. Город, овеванный атмосферой тревоги, беды и отчаяния.

Город этот характеризуется устойчивыми эпитетами: «черный», «серый», «тусклый», «свинцовый», «оловянный». Но это лишь одно проявление чудовищного города. Серый цвет петербургского камня отражает кровавый закат, заливающий все окрест. Это цвет безумия и мятежа. В багровых отсветах вечерней зари возникают самые фантастические видения, вселяющие в жителей города непобедимый страх.

Символом страха у Блока становится то безобразный, пьяный красный карлик, преследующий согрешившую девушку, то однозвучно хохочущая и поднимающая тучу пыли Невидимка — непонятное, но отвратительное существо неизвестного пола:

Веселье в ночном кабаке.
Над городом синяя дымка.
Под красной зарей вдаль
Гуляет в полях Невидимка.

...

И воеет, как брошенный пес,
Мяучит, как сладкая кошка,
Пучки вечеряющих роз
Швыряет блудницам в окошко...

...
В тени гробовой фонари,
Смолкает над городом грохот...
На красной полоске зари
Беззвучный качается хохот...

Не случайно Блок трижды спрашивает:

Вам сладко вздыхать о любви,
Слепые, продажные твари?
Кто небо запачкал в крови?
Кто вывесил красный фонарик?

Так поэт пытается найти определение страха, укравшего счастливое время города. И находит: это Невидимка шатается по болотам, и, верно, это она «запачкала небо в крови» и вывесила красный фонарик над ночным притоном. Затем Блок делает вывод: страшно жить в городе, оглушенном «беззвучным хохотом».

Описание города у Блока часто напоминает немое кино начала века: мелькают кадры, сменяют друг друга персонажи — нет звука... И только сопровождение невидимого злобного тапера — Невидимки — подсказывает, что перед нами реальные картинки реально-«пьяной», «безумной» от безысходности жизни:

Вечерняя надпись пьяна
Над дверью, отворенной в лавку...
Вмешалась в безумную давку
С расплеснутой чашей вина
На Звере Багряном — Жена.

Л. Моисеева

Интересно раскрыта тема города Блоком в стихотворении «Город в красные пределы».

«Мы — в бунте, мы много пачкались в крови. Я испачкан кровью», — пишет он Е. Иванову 28 июня 1904 года.

Город в красные пределы
Мертвый лик свой обратил,
Серо-каменное тело
Кровью солнца окатил.
...
Красный дворник плещет ведра
С пьяно-алою водой,
Пляшут огненные бедра
Проститутки площадной,

И на башне колокольной
В гулкий пляс и медный зык
Кажет колокол раздольный
Окровавленный язык.

Евгений Иванов, новый знакомый поэта, справедливо усматривал уже в красном карлике, в бегущих по городу красных струйках связь с кровью, проливавшейся на Дальнем Востоке.

И колокол не только становится окровавленным, но и приобретает какие-то грубые хватки, в нем проступает яростное выражение («кажет... окровавленный язык»), он вот-вот разразится гневным набатным криком-звоном.

Н. Горбунов

В апокалипсическом духе Блок изображает в стихотворении «Город в красные пределы...» жизнь современного города, о стены которого разбились его детские сны и блаженные видения. Вместо них перед поэтом возникли страшные в своей пошлости и трагичности образы домов, ставших вертепами, в которых

Пляшут огненные бедра
Проститутки площадной...

Счастливое прошлое летит неотвратимо в бездну, объятое тоской, безумием, жаждой уничтожения. Поэту кажется: время остановилось и наступили времена, предреченные в апокалипсисе и знаменующие конец мира.

Теперь он знает, что
...Оловянные кровли –
Всем безумным приют.
В этот город торговли
Небеса не сойдут...

Под этими «оловянными кровлями» все продается и все покупается, и человек здесь не нужен, обездолен, опустошен, низведен до уровня жалкого и трусливого животного, предназначенного в жертву жестокому, хищному, безраздельно господствующему над людьми новому времени. Не случайно в глазах поэта и православная церковь ныне выглядит языческим капищем, где свершаются кровавые обряды, вот почему

На башне колокольной
В гулкий пляс и медный зык
Кажет колокол раздольный
Окровавленный язык...

И нет числа тем жертвам, которые обагрили своею кровью этот язык. Поэт заключает: в этом городе все мертвенно, призрачно, а потому ужасно.

Р. Лунев

Почему Блок писал о городе так — «в формах крика, безумий и мучительных диссонансов»? Сама действительность, впервые увиденная в упор, пусть еще романтически-затуманенным зрением, подсказывала содержание и мелодию стиха. Русская действительность на рубеже двух веков, накануне первого мощного революционного взрыва, потрясшего старую Россию и предопределившего ее судьбу, сама была полна безумий и диссонансов. Все в ней было смутно и хаотично, все было в брожении и движении. Красным, огненным, кровавым цветом окрашено в «городских» стихах Блока все по существу черное, серое, безнадежно тусклое:

Уже на дóмах веют флаги,
Готовы новые птенцы,
Но тихи струи невской влаги,
И слепы темные дворцы.

И если лик свободы явлен,
То прежде явлен лик змеи,
И ни один сустав не сдавлен
Сверкнувших колец чешуи.

(«Вися над городом всемирным...», 1905)

К. Осипов

Осенью 1906 года Блок пишет Брюсову:

«Вероятно, революция дохнула в меня и что-то раздробила внутри души, так что разлетелись кругом неровные осколки, иногда, может быть, случайные...».

И не только сама революция, но и годы, непосредственно предшествовавшие ей и открывшие глаза поэту на неблагополучие и непрочность того мира, в котором он жил, многое «раздробили» в прежнем, идиллически безмятежном, пронизанном духом сонного покоя и смутных мечтаний мире. От прежней цельности и гармоничности лирического чувства Блока остались лишь «неровные осколки», и поэтому многие стихи второго тома лирики Блока сложены словно бы из подобных «осколков». Часто по форме и содержанию стихотворения Блока напоминают яркие, эмоциональные отрывки, зарисовки одного большого полотна — изображение раздробленного новым временем города.

Л. Сказкин

За всеми раздумьями, тревогами, надеждами Блока всегда, неизменно стоит Петербург. Он был источником и катализатором всех важнейших лирических тем поэта. Чтобы убедиться в этом, достаточно перелистать дневники Блока и записные книжки.

«Вечерние прогулки... по мрачным местам, где хулиганы бьют фонари, пристаёт щенок, тусклые окна с занавесочками. Девочка идет — издали слышно, точно лошадь тяжело дышит; очевидно, чихотка; она давится от глухого кашля, через несколько шагов наклоняется. Страшный мир».

«Какая тоска — почти до слез. Ночь — на широкой набережной Невы, около университета, чуть видный среди камней ребенок, мальчик. Мать («простая») взяла его на руки, он обхватил ручонками ее за шею — пугливо. Страшный, несчастный город, где ребенок теряется, сжимает горло слезами».

«Ночь бледнеет... Вдруг вижу с балкона: оборванец идет, крадется, хочет явно, чтобы никто не увидел, и все наклоняется к земле. Вдруг припал к какой-то выбоине, кажется, поднял крышку от сточной ямы, *выпил воды*, утерся... и пошел осторожно дальше. *Человек*».

Но Петербург зрелого Блока — это город не только старого мира, но и город, в котором копился народный «правый гнев», назревал великий мятеж, готовилось будущее. Блок пишет:

Наши страстные печали
Над таинственной Невой,
Как мы черный день встречали
Белой ночью огневой.

Что за пламенные дали
Открывала нам река!
Но не эти дни мы звали,
А грядущие века...

В. Жирмунский

В стихах Блока часто звучат мотивы «современности» — ночной город, залитый электрическим светом, шум ночных ресторанов и лица земных женщин. Отблесков неземного видения он ищет в этой жизни, смутно прозревая в ней иную, более реальную действительность:

В кабаках, в переулках, в извивах,
В электрическом сне наяву
Я искал бесконечно красивых
И бессмертно влюбленных в молву.

Случайная встреча на улицах ночного города превращается в таинственную Незнакомку, в чертах которой поэт прозревает свою единственную возлюбленную:

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.

На этой ступени развития романтического сознания появляется та двойственность в восприятии жизни, которая нашла себе наиболее законченное выражение в лирической драме «Незнакомка». Теперь каждое стихотворение Блока развивается в двух различных планах: первый план — бытовой, реальный, «действительность», второй план — сверхреальный, в котором происходят душевные события, важные и интересные. Так, в стихотворении «В ресторане» рассказывается о случайной и с житейской точки зрения незначительной встрече — поэт видит в загородном ресторане незнакомую женщину, посылает ей розу, встречает дерзким взором ее негодующий взор. Но вот, внезапно, незначительное происшествие получает углубление в иную действительность, когда за чертами незнакомой женщины поэту показывается видение единственной возлюбленной, когда-то пригрезившейся его душе, образ таинственной Незнакомки:

Ты рванулась движеньем испуганной птицы,
Ты прошла, словно сон мой легка...
И вздохнули духи, задремали ресницы,
Зашептались тревожно шелка.

Вот почему обращение поэта к неизвестной выделено романтически торжественным зачином:

Я послал тебе черную розу в бокале
Золотого, как небо, аи...

Но именно в это время творчество Блока постепенно выходит из своей молитвенной непостижимости, созерцательной чистоты, обогащается сложным, противоречивым и хаотическим содержанием земной жизни, страдающей и грешной, и именно к этому времени относятся его высшие поэтические достижения на тему города.

В. Евгеньев-Максимов

Каждый поэт, в том числе и Блок, не может не быть поэтом улицы, потому что улица — главная артерия городской жизни. Поэт рисует улицу и вечером, при свете заката, когда

Город в красные пределы
Мертвый лик свой обратил,
Серо-каменное тело
Кровью сердце окатил,

и улицу ночью, когда «зажгутся нити фонарей» и по тротуарам «потянутся рядами пары» («Петр»), и улицу, напуганную пожаром, взволнованную грохотом «мчащихся вихрем колесниц» пожарных («Пожар»), и мало застроенную, окруженную огородами улицу дальнего предместья («Ночная фиалка»). Нельзя не отметить, что над всеми этими образами господствует, владея воображением поэта, образ улицы, полной таинственными,

обаятельными и в своей обаятельности доступными женщинами. И на улицу поэт вышел и улицу полюбил потому, что улица сулит ему сладостные встречи:

В кабаках, в переулках, в извивах,
В электрическом сне наяву
Я искал бесконечно красивых
И бессмертно влюбленных в молву.

...

А они проходили всё мимо,
Смутно каждая в сердце тая,
Чтоб навеки, ни с кем не сравнимой,
Отлететь в голубые края.

Поэт осознает, что на городской улице в вечерние и ночные часы совершаются позорные купля и продажа:

Улица, улица...
Тени беззвучно спешащих
Тело продать,
И забвенью купить,
И опять погрузиться
В сонное озеро города — зимнего холода.

Но, тем не менее, не может и не хочет победить очарования этой дышащей грехом и соблазном улицы. Поиски «бесконечно красивых» заводят поэта в кабак, в ресторан. Образ кабака, ресторана становится обычным образом городских песен Блока, лучшей из которых является чудное стихотворение «Незнакомка»:

...Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями
И в кольцах узкая рука.

И странной близостью закованный,
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный,
И очарованную даль.

При свете утра всякая таинственность исчезает. Еще вчера «у фонаря ее лицо» казалось полным блеска, а сама она влюбленной; сегодня же она не более, как «блудница»:

Сегодня безобразно повисли складки рубашки,
На всем был серый постылый налет.
Углами торчала мебель, валялись окурки, бумажки...

От грязной мебелированной комнаты, в которой ранним утром пробуждаются «мужчина и блудница», естественным и нетрудным является переход на чердак, где ютится городская беднота, где влачат свое жалкое существование спившиеся, выбившиеся из жизненной колеи неудачники. Блок не только ярко и художественно изображает обстановку жизни этих неудачников, он умеет воспринять их настроение, их психику. Вот несколько отрывков из этих «чердачных» мотивов блоковской поэзии:

Да и меня без всяких поводов
Загнали на чердак.
Никто моих не слушал доводов,
И вышел мой табак.

И далее:

Я в четырех стенах — убитый,
Земной заботой и нуждой.
А между тем
...всё хочу свободной волею

Свободного житья,
Хоть нет звезды счастливой более
С тех пор, как зঁпил я!
Но «свободное житье» недостижимо. Что же остается?
Голодная кошка прижалась
У жолоба утренних крыш.
Заплакать — одно мне осталось...
Есть и другой выход — броситься в окно:
И жизнь начнется настоящая,
И крылья будут мне!

Таков основной фон, основные образы городской поэзии Блока.